

УДК 811.512.157

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-204-216>

Оригинальная научная статья

Лексика неживой природы якутского языка с компонентом-зоонимом: структурные и семантические способы номинации

Я. Е. Тохтобина

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,

Якутск, Российская Федерация

✉ ya.tokhtobina@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию лексики неживой природы якутского языка, содержащей компоненты-зоонимы, что актуально в контексте сохранения языкового наследия. Несмотря на существование фрагментарных работ по отдельным категориям терминов (метеорологическим, ландшафтным, гидрографическим), проблема отсутствия системного анализа данной лексики остается нерешенной. Целью исследования является комплексное изучение лексики неживой природы якутского языка с компонентом-зоонимом, с последующим выявлением структурных и семантических моделей номинации. Для достижения этих целей решались следующие задачи: сбор и систематизация лексических единиц неживой природы якутского языка с компонентом-зоонимом, а также выявление наиболее продуктивной структурной и семантической модели образования сложных слов с зоонимами. Методы включали сплошную выборку из лексикографических источников, когнитивно-ономасиологический и компонентный анализы. Результаты показали, что наиболее продуктивной структурной моделью является сочетание «имя существительное + имя существительное с притяжательным аффиксом 3-го лица» (50% случаев), например, *тулдук хаара* (букв. пуночка + снег-POSS.3SG). Количественно преобладают семантические модели «зооним + соматизм» (26%) и «зооним + ландшафт» (21%), которые подчеркивают роль визуальных аналогий и связь с хозяйственной деятельностью. Выявлено, что зоонимы активно используются в якутском языке для номинации природных особенностей Якутии, что отражает северный компонент якутской культуры. Так, снег метафоризируется через образы пушных зверей (заяц, песец) и птиц (ворона, пуночка), северное сияние ассоциируется через зооним *балык* 'рыба', а в составе номинации кочковатой местности встречаются названия домашних (собака, корова, лошадь) и промысловых (заяц) животных. Исследование подтверждает, что подобные термины служат не только номинативным целям, но и демонстрируют традиционные знания народа. Перспективы работы связаны с углубленным изучением мотивационных признаков лексики неживой природы якутского языка. Результаты вносят вклад в лексикологию якутского языка и этнолингвистику, расширяя представление о языковой картине мире народов, населяющих территории Крайнего Севера и Арктики.

Ключевые слова: якутский язык, лексика неживой природы, метеорологическая лексика, ландшафтная лексика, зоонимы, мотивационный признак, структурная модель, семантическая модель, номинация, метафоризация

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках научного проекта РНФ №25-78-30006 «Языки и культуры народов Севера и Арктики Российской Федерации: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)»

Для цитирования: Тохтобина Я. Е. Лексика неживой природы якутского языка с компонентом-зоонимом: структурные и семантические способы номинации. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 204–216. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-204-216

Original article

Inanimate nature vocabulary of the Yakut language with a zoonymic component: structural and semantic ways of nomination

Yana E. Tokhtobina

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ ya.tokhtobina@mail.ru

Abstract

The article explores inanimate nature vocabulary in the Yakut language, specifically focusing on terms that incorporate zoonymic (animal-related) components. This study is highly relevant in the context of preserving linguistic heritage. While fragmentary research exists on certain categories of terms, such as meteorological, landscape, and hydrographic vocabulary, a systematic analysis of this lexicon remains lacking. This study aims to provide a comprehensive analysis of the inanimate nature vocabulary in Yakut, with a focus on zoonymic components, and to identify the structural and semantic patterns of word formation. To achieve this, the following tasks were undertaken: (1) collecting and systematizing lexical units related to inanimate nature in Yakut that include zoonymic elements, and (2) identifying the most productive structural and semantic models for forming compound words with zoonyms. The methodology included continuous sampling from lexicographic sources, cognitive-onomasiological analysis, and componential analysis. The findings reveal that the most productive structural model is the “noun + noun with a third-person possessive affix” pattern (50% of cases), as seen in examples like *tulluk khaara* (lit. “snow-bunting + snow-POSS.3SG”). The semantic models “zoonym + somatism” (26%) and “zoonym + landscape” (21%), which emphasize the role of visual analogies and connection with traditional economic activities are quantitatively prominent. It has been revealed that zoonyms are actively used in the Yakut language to nominate natural features of Yakutia, which reflects the northern component of Yakut culture. Thus, snow is metaphorized through images of fur-bearing animals (hare, fox) and birds (crow, snow-bunting), northern lights are associated through the zoonim *balyk* ‘fish’, and names of domestic (dog, cow, horse) and commercial (hare) animals are found in the nomination of bumpy terrain. These terms not only serve a nominative function but also encapsulate traditional ecological knowledge. The research underscores the importance of such lexicon in understanding the linguistic worldview of indigenous Arctic and Far Northern communities. Future research directions include a deeper investigation into the motivational features of inanimate nature lexicon in Yakut. The results contribute to the fields of Yakut lexicology and ethnolinguistics, enriching our understanding of the linguistic worldviews of Arctic and Subarctic peoples.

Keywords: Yakut language, inanimate nature vocabulary, meteorological vocabulary, landscape vocabulary, zoonyms, motivational feature, structural model, semantic model, nomination, metaphorization

Funding. This work was supported by the Russian Scientific Foundation project No. 25-78-30006, “Languages and Cultures of the Peoples of the North and Arctic of the Russian Federation: Comprehensive social and humanitarian research (based on big data analysis)”

For citation: Tokhtobina Ya. E. Inanimate nature vocabulary of the Yakut language with a zoonymic component: structural and semantic ways of nomination. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 204–216. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-204-216

Введение

Республика Саха (Якутия) известна своей огромной территорией и суровыми климатическими условиями. Как отмечает Н. К. Антонов, якуты адаптировались к жизни на Севере во время совместного проживания с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими народами, о чем свидетельствуют языковые заимствования, связанные с адаптацией в условиях Крайнего севера и населением северной природы [1]. Кроме того, разнообразие природной системы региона способствовало развитию у якутов исключительной наблюдательности, что закрепилось в богатой диалектной лексике, детально описывающей природные особенности [2].

На сегодняшний день изучение лексики неживой природы якутского языка имеет несколько фрагментарный характер, несмотря на отдельные достижения исследователей. Работы Н. К. Антонова (1971), С. А. Иванова (2017), Г. Г. Левина (2013), Н. Багдарыына (2001), А. Е. Шамаевой (2012), Н. В. Малышевой (2015), А. А. Кузьминой (2017) и других затрагивают лексические единицы, обозначающие элементы окружающей среды, однако комплексный анализ этой категории до сих пор не осуществлен. Частичное освещение получили специализированные группы терминов. Наиболее изученной областью является метеорологическая лексика якутского языка. Так, Н. И. Даниловой проанализированы наименования атмосферных явлений (грома, молнии, северного сияния) [3], а также систематизированы лексико-семантические группы, описывающие разновидности дождя, ветра и облаков в якутском языке [4–6]. Семантика и этимология лексем, обозначающих небо в якутском языке (на примере терминов *куөх*, *тангара*, *халлаан*), получили фундаментальное освещение в работе П. А. Слепцова [7]. В совместном исследовании Ф. Н. Дьячковского и В. Г. Попова, посвященном семантическому и сравнительно-сопоставительному анализу метеонима *хаар* 'снег', разработана классификация номинаций разновидностей снега [8].

Отдельным направлением в якутской лингвистике выступает изучение ландшафтной лексики. Базовые пространственные термины (открытое место, поле, равнина, долина) были детально описаны в совместном труде Н. И. Даниловой и Н. И. Поповой [9]. Соматизмы в географической лексике якутского языка изучены И. Н. Соровой и К. К. Неустроевым в сравнительно-сопоставительном аспекте с хакасским языком [10]. Орографические аппелятивы якутского языка, образованные от соматизмов, систематизированы и описаны Я. В. Стручковой [11–12]. Диалектные номинации рек и их семантика проанализированы Д. И. Чирковой и С. В. Григорьевой [13]. Лексико-семантические параллели между якутским и монгольским языками в когнитивной сфере «признаки водоемов и водных потоков» выявлены Н. В. Малышевой и Я. Е. Тохтобиной [14].

Формирование лексики неживой природы в различных языках нередко происходит через метафорический перенос, основанный на внешнем сходстве объектов. В качестве источника таких номинаций часто выступают названия частей тела человека и животных, элементов одежды и обуви, архитектурных сооружений, а также предметов быта, например, кухонной утвари, продуктов питания и других объектов, связанных с повседневной жизнью.

Примечательно, что в ряде языков зоонимы особенно активно используются в лексике неживой природы, прежде всего в народной метеорологии. Эта тенденция коренится в представлениях народа о взаимосвязи фауны и природных процессов. Например, названия животных интегрируются в метеорологические термины на основе фольклорных ассоциаций (поверья о влиянии животных на погоду), визуальных аналогий (снег как «заячья шерсть»), символической логики (птицы как маркеры сезонных изменений). Таким образом, зоонимы в таких конструкциях

выполняют не только номинативную, но и культурно-мировоззренческую функцию, отражая синтез языкового творчества и традиционных знаний.

В якутском языке зоонимы занимают особое место в словообразовательном процессе, выступая семантическим компонентом сложных слов. Например, большое количество зоосемизмов наблюдается в составе фитонимов якутского языка. Н. В. Малышева, проведя анализ 70 номинаций растительного мира, содержащих в своем составе компонент-зооним, приходит к выводу, что «компоненты-зоонимы в составе фитонимов отражают склонность якутов к ассоциативному мышлению, образованию наименований растений путем метафоризации» [15, с. 78]. В сравнительном анализе фитонимической лексики якутского и хакасского языков, проведенном М. А. Осоровой, выявлены их универсальные и этноспецифические особенности отзоонимных номинаций [16]. В лексике неживой природы якутского языка термины с компонентом-зоонимом, хотя и уступают по частотности фитонимическим номинациям, формируют семантически насыщенный пласт, реконструирующий архаичные слои мировоззрения.

В статье впервые системно исследуется пласт номинаций объектов неживой природы, содержащих зоонимы, что расширяет границы традиционной лексикологии якутского языка, где зоонимы ранее рассматривались преимущественно в контексте живой природы. Исследование демонстрирует функционирование зоонимов в качестве инструмента категоризации пространства.

Эмпирическая база исследования включает 25 лексических единиц с зоонимным компонентом, распределенных по двум ключевым категориям неживой природы: 1) метеорология и небесные тела; 2) ландшафт. В нашем исследовании метеорологические явления и небесные тела объединены в одну лексико-семантическую группу, хотя в традиционной классификации они относятся к разным категориям. Для якутского народа звезды выступают не только ориентирами для определения времени и направления, но и служат для предсказания погоды, что обуславливает их неразрывную связь с небом в культурной картине мира. Материал исследования выявлен методом сплошной выборки из Словаря якутского языка Э. К. Пекарского в 3 томах, Большого толкового словаря якутского языка в 15 томах, диалектологических словарей якутского языка. В работе использовались методы когнитивно-ономасиологического и компонентного анализа. В процессе анализа выявлены 15 зоонимов в составе номинации лексики неживой природы: дикая фауна (*тайах* 'лось', *чубуку* 'снежный баран', *бөрө* 'волк', *саһыл* 'лиса', *кырса* 'песец', *куобах* 'заяц'), домашние животные (*ынах* 'корова', *ат* 'лошадь', *ыт* 'собака'), орнитонимы (*тулук* 'пуночка', *тураах* 'ворона', *көччөх* 'молодая осенняя утка'), ихтионимы (*күөндэ* 'мелкий карась', *балык* 'рыба'), энтомоним (*бырдах* 'комар').

Лексико-семантическая группа «Метеорология и небесные тела»

Гром. В булунском говоре якутского языка зафиксирован уникальный диалектизм *бырдах түһэр этиңэ* (букв. комар + падать-AOR + гром-POSS.3SG), обозначающий 'гром без дождя, после которого появляются комары' [17, с. 58]. Данная лексическая единица показывает сложную семантическую модель «зооним + действие + природное явление», отражающую глубокую связь языка с природными особенностями района. Булунский район, расположенный в арктической зоне Якутии, отличается экстремальными климатическими условиями и обилием комаров, что контрастирует с центральными районами республики. Как известно, прогревание воздуха после грозы создает идеальные условия для вылета комаров. Таким образом, термин фиксирует наблюдение за причинно-следственной связью между погодой и биологическими циклами.

Облако. В колымском говоре якутского языка мощные кучевые облака обозначаются словосочетанием *көччөх былыт* (букв. молодая осенняя утка + облако). Здесь мы наблюдаем модель «зооним + природное явление», в котором прослеживается взаимосвязь между явлениями природы и традиционными промыслами якутов. Колымская низменность служит важным «перевалочным пунктом» для перелетных птиц, так как на ее территории хорошо развитая гидросеть: крупные реки, образующие множество протоков и множество озер, соединяющихся между собой в единую систему. Якуты, чья культура пронизана уважением к природе, веками соблюдают строгие правила: весной, в период гнездования, охота на самок запрещена, чтобы сохранить популяцию. Осень же становится временем, когда промысел не только допустим, но и жизненно необходим. Само название *көччөх былыт* раскрывает метафорическое мышление местных жителей. Видимо, пушистые кучевые облака напоминают стаи уток, «плывущих» по небу.

Снег. В якутском языке и его говорах лексемы *куобах* ‘заяц’, *кыrsa* ‘песец’, *тулдук* ‘пуночка’, *тураах* ‘ворона’ служат основами для обозначения различных типов снега.

В Верхнеколымском районе Якутии пушистый снег передается словосочетанием *куобах кутуруга хаар* (букв. заяц + хвост-POSS.3SG + снег), а в ряде говоров (бод., лен., сунт.) *куобах туутэ хаар* (заяц + мех-POSS.3SG + снег) указывает на мягкий пушистый снег, последний термин также означает ‘снег, падающий мелкими мягкими хлопьями’ [18, с. 123]. Оба примера представляют семантическую модель «зооним + соматизм + твердые атмосферные осадки», где соматические компоненты *кутурук* ‘хвост’ и *туу* ‘мех’ подчеркивают качественные характеристики снега: белизну, пушистость и мягкость, ассоциирующиеся с заячьей шерстью.

В якутском языке широко распространен термин *кыrsa хаар* (букв. песец + снег), обозначающий снег, падающий крупными хлопьями и образующий плотный слой [18, с. 123]. Данный пример иллюстрирует более простую модель «зооним + твердые атмосферные осадки». Зимний мех песца, как и у зайца, белый и пушистый, однако отличается большей длиной шерсти. Это, вероятно, повлияло на ассоциацию с крупными, массивными хлопьями, формирующими толстый снежный покров.

Анализ показывает, что при номинации снега через образы зайца и песца ключевыми признаками выступают не только цвет и мягкость меха, но и длина его шерсти, определяющая визуальное восприятие осадков.

Особый интерес представляет модель «зооним + холодное оружие», зафиксированная в колымских говорах: *куобах баһаба* ‘мягкий пушистый как пепел снег, легший на землю’ [17, с. 92] (букв. заяц + разновидность стрелы округлой формы-POSS.3SG). Исторически это может быть связано с охотой на зайцев с помощью самострела. При попадании стрелы в цель шерсть животного осыпалась на землю, визуально напоминая мелкие снежные крупы. Форма стрелы (округлая) и результат ее воздействия (рассыпающаяся шерсть) метафорически передают структуру снежного покрова.

Как мы упоминали выше, во многих языках птицы выступают важными индикаторами сезонных изменений. В якутском языке ярким примером служит номинация весеннего снега через образы пуночки (*тулдук*) и вороны (*тураах*): *тулдук хаара* ‘мелкий весенний снег, выпадающий в период прилета пуночек’ [18, с. 125] (букв. пуночка + снег-POSS.3SG), *тураах хаара* ‘весенний снег, выпадающий большими хлопьями в период прилета вороны’ [18, с. 125] (букв. ворона + снег-POSS.3SG). В Якутии пуночка и ворона традиционно считаются предвестниками весны. Их прилет символизирует переход от суровой зимы к теплу, а ассоциация с типами снега отражает наблюдение за взаимосвязью природных

циклов. Мелкий снег (*туллук хаара*) соответствует ранней весне, когда пуночки только появляются, а крупные хлопья (*тураах хаара*) более позднему этапу, сопровождающемуся активным таянием. Словосочетания *туллук хаара* и *тураах хаара* образованы по семантической модели «зооним + твердые атмосферные осадки», где название птицы сочетается со словом *хаар* ‘снег’ в притяжательной форме. Это отличает их от конструкции *кырса хаар* (песец + снег), где компонент *хаар* употреблен в исходной форме. Мы считаем, что использование притяжательной формы в данных народных терминах служит для создания метафоры, где птица «владеет» погодным явлением, усиливая образность выражения.

Радуга. Э. К. Пекарский зафиксировал в своем словаре архаичные обозначения радуги с компонентом-зоонимом: *саһыл иигэ* (букв. лисица + моча-POSS.3SG) и *саһыл ииктээбит* (букв. лисица + мочиться-PERF.3SG). Вариант *саһыл иигэ* был отмечен в качестве диалектизма в Амгинском районе [19, стб. 204]. Первый пример *саһыл иигэ* образован по продуктивной для якутского языка семантической модели «зооним + соматизм (продукт жизнедеятельности)». Второй пример образован по модели «зооним + действие», которая встречается в структурно-образовательных моделях якутских топонимов.

Составитель якутского словаря привел пример с аналогичной номинацией радуги в бурятском языке – *унеген-ези шеге* (букв. моча самки лисицы). Как отмечает Марек Стаховский, эта параллель между якутским *саһыл ииктээбит* и бурятским термином указывает на общую концептуализацию атмосферного явления, что, по его мнению, «подразумевает связь, которая глубже, чем обычное заимствование» [20, с. 546].

Этимологию необычной метафоры проясняют этнографы. М. Н. Хангалов связывает бурятский термин с солярной символикой: в монгольской мифологии солнце иногда ассоциировалось с волком и лисцей, и буряты интерпретировали радугу как «выделение» солнца-лисицы [21, с. 263]. Подтверждение этой гипотезы находим в исследованиях М. М. Содномпиловой. Ученый отмечает, что бурятский фольклор действительно содержит указания на небесное происхождение лисы, что укрепляет ее связь с атмосферными явлениями [22, с. 49].

Северное сияние. В современном якутском языке северное сияние обозначают термином *дьюкээбил уота*, что буквально переводится как ‘огонь юагира’. Н. И. Данилова отмечает, что это название может отражать представления якутов о связи природного явления с юагирами, которые, согласно народным воззрениям, могли освоить эти земли в более ранний исторический период [3]. А в северных говорах (жиганском, усть-янском, булунском) это оптическое явление имеет иные названия, в составе которых есть компонент «рыба», отличающийся семантической структурой:

– диал. (жиг.) *муора балыга оонһуур* (букв. море+рыба-POSS.3SG + играть-PRES.3SG) [17, с.127]. Семантическая модель: ландшафтный объект + зооним + действие;

– диал. (усть-ян.) *эбэ балыга* (букв. бабушка + рыба-POSS.3SG) [23, с. 318]. Семантическая модель: термин родства + зооним;

– диал. (бул.) *эбэ балыгын оонһуута* (букв. бабушка + рыба-GEN + игра-POSS.3SG) [23, с. 318]. Семантическая модель: термин родства + зооним + процесс действия.

Ключевым элементом в усть-янском и булунском вариантах выступает слово *эбэ* (букв. бабушка), которое в якутской культуре традиционно используется для обозначения сакральных природных объектов, в частности, водных источников. В прибрежных районах (Булунский, Усть-Янский) море именуется почтительным *эбэ*, тогда как в Жиганском районе, удаленном от побережья, употреблено заимствованное русское слово *муора* (море). Данный лингвистический нюанс,

возможно, указывает на различие в восприятии водных пространств: для жителей прибрежных территорий море – почитаемый «родной» объект, в то время как для обитателей внутренних районов он остается чуждым, экзотическим элементом ландшафта.

Звезда. В якутском языке зоонимы крайне редко используются для обозначения небесных объектов, что, по мнению исследователей, связано с фрагментарной сохранностью традиционных космологических представлений. На сегодняшний день зафиксированы лишь три примера с компонентом-зоонимом. Термин *тайахтаах сулус* (букв. лось-PROPR + звезда) отождествляется с созвездием Ориона [24, с. 145]. Семантическая модель термина строится по принципу «зооним + небесное тело», где компонент зоонима отсылает к мифологическому сюжету. Согласно легенде, три охотника, преследовавшие сохатого, поднялись на небо, где столкнулись с голодом и тяготами. После гибели одного из них оставшиеся двое, вместе с собакой и лосем, превратились в звезды, образовав созвездие *тайахтаах сулус*. Однако идентификация термина остается предметом дискуссий. Как отмечал этнограф В. Л. Серошевский, информаторы связывали *тайахтаах сулус* с разными группами звезд, чаще всего указывая на Орион, но без четкой трактовки [25, с. 637]. Эта неоднозначность может объясняться как вариативность устной традиции, так и постепенной утратой деталей космогонических мифов.

Два других примера демонстрируют модель «зооним + соматизм», где небесные объекты обозначаются через анатомические элементы животных: *ынах буута* ‘созвездие из пяти звёзд’ [19, стб. 575] (букв. корова + задняя нога-POSS.3SG), *бөрө тумса* ‘созвездие из четырех звезд’ [26, с. 457] (букв. волк + морда-POSS.3SG). Конструкция с притяжательным аффиксом (-а) указывает на принадлежность части тела животному, чей образ проецируется на звездную группу. Конфигурация звезд могла ассоциироваться с формой конечностей или морды.

Несмотря на малочисленность эти термины служат важным источником для реконструкции космогонической картины, где небо осмысливается как проекция земной экосистемы.

Лексико-семантическая группа «Ландшафт»

Бугристая, кочковатая местность. В процессе формирования названий неровной, бугристой и кочковатой местности в якутском языке наблюдается активное использование образов домашних (собака, лошадь, корова) и промысловых (заяц) животных. Лексикализация таких терминов происходит по семантической модели «зооним + соматизм», где части тела животных (внешние или внутренние) метафорически переносятся на особенности рельефа. Так, в таттинском говоре кочковатость в лесу обозначают сочетанием *куобах уоһа* [23, с. 124] (букв. заяц + губа-POSS.3SG). Ассоциация основана на сходстве кочек с формой заячьей морды.

В говорах Вилюйского и Верхневилуйского улусов словосочетание *ыт кэтэбэ* (букв. собака + затылок-POSS.3SG) используется для обозначения ‘лесистого кочкарника’ [23, с. 316]. Неровности рельефа в данном случае метафорически сопоставляются с мускулистой структурой затылка собаки, что подчеркивает ассоциативную связь сходства анатомии животного и характера местности.

Интересно, что в кобяйском и сунтарском говорах аналогичный термин для описания лесистой кочковатой местности также включает зооним *ыт* ‘собака’, однако второй компонент *кэтэх* ‘затылок’ заменен на лексему *сытыы*. Последняя в якутском языке обладает омонимичностью: *сытыы I* – ‘острый, остроконечный’; *сытыы II* – отглагольное образование от *сыт* ‘лежать’. Предположительно, в контексте номинации рельефа *сытыы* выполняет ту же функцию, что и *кэтэх*, выступая метафорой «выпуклости», но с акцентом на иную характеристику – либо на заостренность форм (*сытыы I*), либо на статичность, «лежачую» позицию кочек

(*сытыы II*). Поскольку лексема *сытыы* может подразумевать как острую часть головы собаки (например, заостренный контур затылка), так и ее тело (в значении «лежащая» позиция, от глагола *сыт*), термин *ыт сытыыта* правомерно отнести к семантической модели «зооним + соматизм». В данном случае оба значения – анатомическое («острая часть») и позиционное («тело в статике») – сохраняют связь с телесной метафорой, что соответствует базовому принципу модели: сочетание названия животного (*ыт*) с компонентом, описывающим часть тела или ее состояние.

Сочетание *ынах бугэрэ* (букв. корова + почки-POSS.3SG) в БТСЯЯ зафиксирован как «неровная, бугристая, ухабистая местность» [27, с. 441], а в диалектологическом словаре якутского языка отмечен как «лесистый кочкарник» [17, с. 242]. Метафора объясняется анатомией коровы: ее почки многодольчатые, с выраженными бороздами, что визуально напоминает бугры на местности. Как демонстрируют примеры, неровности ландшафта ассоциируются не только с внешними, но и с внутренними органами животных, что подчеркивает глубину метафорического мышления.

Отдельную модель «зооним + ландшафт» представляет сложный термин *ам дулба* (букв. лошадь + кочка). Термин употребляется при обозначении высокого, труднопроходимого кочкарника и крупных кочек в сунтарском говоре. Здесь зооним *ам* «лошадь» выступает в значении «большой», усиливая характеристику элемента ландшафта.

Мы считаем, что выбор определенных животных в названии кочковатых местностей связан с хозяйственной жизнедеятельностью якутов: с охотой, скотоводством и коневодством.

Поле. Образ лисы в якутской культуре обнаруживает связь не только с небесной символикой, но и с характеристиками земного ландшафта. Термин *саһыл хонуу* (букв. лиса+поле) обозначает «ровное поле с хорошей почвой, поросшее густой нерослой травой» [28, с. 304]. Семантическая модель «зооним + ландшафт» может отражать метафорическое восприятие природы. Проводится аналогия между ценностью густого меха лисы и плодородием земли: плотный травяной покров, как и мех, символизирует богатство окружающей среды. Кроме этого, термин может указывать на место обитания животного. Как отмечают исследователи, в Якутии лисы проживают в местах с лесной растительностью (вблизи рек, озер, на открытых луговых пространствах). В таких местностях обитает большое количество мелких грызунов, которые являются основной пищей для лисы [29, с. 2218]. Так, связь термина *саһыл хонуу* с «хорошей землей» может отражать не только метафору, но и экологическую реальность: плодородные участки привлекают грызунов, а вслед за ними лис.

Однако интерпретация лексики с компонентом *саһыл* «лиса» неоднозначна. Так, Г. Г. Левин, анализируя топоним «*Саһыл Сыһыы*», предлагает альтернативную трактовку. Ученый указывает на связь якутского *саһыл* с древнетюркским корнем *jaш* «зелёный», отмечая, что в фольклорных текстах саха сохранилось архаичное значение «жёлтый» (возможно, как оттенок зелёного). Эту этимологию подтверждают параллели в родственных языках: алт. *дашыл*, хак. *чазыл*, кирг. *жашыл*, уйг. *йешил* – все со значением «зелёный» [30, с. 131]. Кроме того, исследователь подчеркивает, что в топонимах с компонентом *саһыл* в значении «лиса» обязательно присутствуют аффиксы принадлежности (напр., -лаах), тогда как в случаях с цветовой семантикой такие маркеры отсутствуют. М. Стаховский также развивает идею цветовой семантики, привлекая данные уральских и енисейских языков. Исследователь отмечает ареальные семантические сдвиги между значениями «зелёный» и «жёлтый», которые могли повлиять на якутскую лексику [20, с. 544]. Но А. А. Бурькин оспаривает тюркское происхождение слова. Он связывает якутский *саһыл* с чукотско-корякскими формами: чукотск. *ятъёл*, коряк. *яёл*, диал. *дядёл*,

алюторск. *татул* 'лиса'. Ссылаясь на реконструкцию О. А. Мудрака прачук. **šašjola* 'лиса', ученый полагает, что данная праформа ближе к якутскому языку, чем на современные чукотско-корякские языки [31, с. 34].

Таким образом, семантика слова *саһыл* балансирует между зооморфной метафорой и архаичным цветообозначением, что отражает сложное взаимодействие культурных, природных и языковых факторов в якутской традиции.

Возвышенный ландшафт. В якутском языке зафиксировано два примера использования зоонима *чубуку* 'снежный баран' для обозначения возвышенных форм рельефа: *чубуку таалата* 'возвышенное (ровное) место, избираемое диким бараном для отдыха' [19, стб. 2533] (букв. снежный баран + чистое поле-POSS.3SG), диал. (инд., ойм.) *чубуку олобо* 'цепь скалистых гор' [17, с. 235] (букв. снежный баран + местопребывание-POSS.3SG). Образование исследуемых номинаций следует единой модели: «зооним + ландшафтный объект» с обязательным маркированием притяжательной формы (-та/-о). Эта конструкция указывает не только на локацию, но и на функциональную принадлежность. Возвышенности метафорически осмысливаются как «места, принадлежащие барану», зоны его отдыха или постоянного обитания. Снежный баран в Якутии населяет горные массивы и скалистые плато, что отразилось в номинации как гористых участков (*чубуку олобо*), так и открытых возвышенностей (*чубуку таалата*). Таким образом, народные географические термины фиксируют не только физические черты ландшафта, но и этнобиологические знания о поведении вида животного.

Озеро. В рамках исследования обнаружен единичный пример использования зоонима в номинации озерного ландшафта. Это термин *күөндэ күөл* (букв. мелкий карась + озеро), зафиксированный в значении 'небольшое озеро' [19, стб. 1317]. Данный случай иллюстрирует семантическую модель «зооним + ландшафт», где название рыбы (*күөндэ* 'мелкий карась') выступает метафорой, характеризующей параметры водоема. Размер рыбы, ассоциирующейся с миниатюрностью, проецируется на физические свойства озера: малую глубину, компактную площадь или ограниченный объем. Этот лингвокультурный феномен демонстрирует, как зооморфное восприятие природы через призму фауны позволяет создавать емкие народные термины. В данном случае связь «животное → ландшафт» подчеркивает не только наблюдательность носителей языка, но и их стремление к образному представлению признаков окружающей среды.

Омут. Ранее нами был рассмотрен термин «корова + почки», где сочетание зоонима и анатомической лексемы метафорически обозначает кочкарник (рельеф с травянистыми кочками). В Нижнеколымском районе обнаруживается интересный диалектизм *ынах бүүрдээх* (букв. корова + почки-PROPR) [23, с. 311] в значении омут. Добавление аффикса принадлежности -лээх меняет семантику сочетания. Если в первом примере связь «корова+почки» отражает визуальную аналогию (кочки = почки коровы), то во втором конструкция приобретает признак обладания – «имеющий коровьи почки», что метафорически означает опасный омут. Идентичные лексемы в разных грамматических формах обозначают принципиально разные географические объекты – сухопутный рельеф и водный объект. Это явление подчеркивает, как морфологические различия в народной географической терминологии саха могут служить ключом к расшифровке сложных природных метафор, отражающих зооморфное восприятие ландшафта.

Заключение

В исследование включены 25 терминов, обозначающих объекты неживой природы — 20 двухкомпонентных и 5 трехкомпонентных номинаций. В процессе исследования выявлены пять структурных моделей среди двухкомпонентных терминов: 1) имя сущ. + имя сущ. с притяж. афф. 3-го л. ед. ч., 2) имя сущ. +имя

сущ.; 3) имя сущ. + имя прил. с афф. обладания -лаах; 4) имя сущ. + глагол прош. результ. вр. первого в 3 л. ед. ч.; 5) имя прил. + имя сущ. Из выявленных моделей «имя сущ. + имя сущ. с притяж. афф. 3-го л. ед. ч.» (52% случаев) является наиболее продуктивной. Все зафиксированные случаи трехкомпонентных терминов имеют двухсловное определение, но различаются структурно. Так, *куобах түүтэ хаар* и *куобах кутуруга хаар* имеют структурную модель «имя сущ. + имя сущ. с притяж. афф. 3-го л. ед. ч + имя сущ.». В конструкции *эбэ балыгын оонньуута* архаичный родительный аффикс -ын отражает исторические связи с тюркским изафетом, сохранившись лишь в сложных синтаксических единицах [32, с. 42]. Интересную структурную модель представляет термин *муора балыга оонньуур*, где определением является атрибутивное словосочетание II типа, а определяемым – глагол наст. вр. 3 л. ед. ч. Трехсоставный термин *бырдах түһэр этицэ* представлен моделью «имя сущ.+ причастие + имя сущ.», которая является весьма распространенной моделью терминообразования в якутском языке.

Выявлены три продуктивных семантических модели: «зооним + соматизм» (32%), «зооним + ландшафт» (21%), «зооним + твёрдые осадки» (17%). Высокая концентрация зоонимов в названиях разновидностей снега, диалектных синонимах северного сияния и ландшафтных терминах, описывающих кочковатую местность, демонстрирует, как лексическая система языка меняется в условиях суровой северной природы.

Всего зафиксированы 15 диалектизмов с компонентом-зоонимом, которые отражают локальную специфику. Например, образ зайца встречается в номинациях снега только в диалектных словах: (*кол.*) *куобах баһаба*, (*в.-кол.*) *куобах кутуруга*, (*бод., лен., сунт.*) *куобах түүтэ хаар*). Вероятно, это связано с промысловой активностью на зайцев в этих районах. Диалектные эквиваленты, обозначающие северное сияние, обнаружены исключительно только в северных районах Якутии. Интересен тот факт, что во всех народных номинациях использован ихтионим *балык* 'рыба', который, возможно, коррелирует с мифологией северных народов: юкагирские предания связывают сполохи с морскими животными [33, с. 112], долганы интерпретируют их как отражение «игры» морских рыб [34, с. 636]. Ярким примером служит номинация кочковатой местности, варьирующаяся в зависимости от района: Таттинский – *куобах уоһа*, Кобяйский и Сунтарский – *ыт сытыыта*, Вилюйский и Верхневилуйский – *ыт кэтэбэ*. Зоонимы фиксируют связь между ландшафтом, биоресурсами и традиционными практиками жителей конкретной территории.

Выбор конкретных зоонимов в номинации лексики неживой природы якутского языка связан с традиционным хозяйственно-культурным укладом народа. Зоосемизмы, такие как заяц, песец, волк, лиса, лось, осенняя утка, рыба, мелкий карась, отражают связь с охотой и рыболовством, тогда как домашние животные (собака, корова, лошадь) актуализируют скотоводческий и хозяйственный контекст. Отдельную группу составляют зоонимы экологического знания. Как показало исследование, индикаторами сезонных явлений являются птицы (пуночка, ворона) и насекомое (комар). Их фиксация в языке свидетельствует не только о наблюдательности носителей, но и о сложной системе взаимодействия с природной средой, где каждый биологический вид наделяется культурно-прагматическим значением.

Таким образом, лексические единицы с компонентом-зоонимом отражают глубокую связь якутской лексики с природными явлениями и традиционными промыслами, хозяйственной деятельностью, где наблюдения за животными служили основой для метафорического осмысления окружающего мира.

Л и т е р а т у р а

1. Антонов Н.К. *Материалы по исторической лексике якутского языка*. Якутск: Якутское книжное издательство; 1971:174.
2. Иванов С.А. *Лексические особенности говоров якутского языка*. Новосибирск: Наука; 2017:392.
3. Данилова Н.И. Названия атмосферных явлений в якутском языке. *Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири*. Абакан: 2016:179-183.
4. Данилова Н.И. Названия разновидностей ветра в словарях якутского языка. *Вопросы гуманитарных наук*. 2015;80(5):49-52.
5. Данилова Н.И. Репрезентация названий разновидностей облака в словарях якутского языка. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2015;42(11-4):15-17.
6. Данилова Н.И. Метеорологическая лексика в северных говорах якутского языка. *Эхо арктической Одиссеи*. Якутск: 2019:201-207.
7. Слепцов П.А. О словах күөх, танара, халлаан в якутском языке. *Урало-алтайские исследования*. 2009;1(1):92-95.
8. Дьячковский Ф.Н., Попов В.Г. Разновидности хаар 'снег' в якутском языке. *Современные проблемы гуманитарных и естественных наук*. Москва: 2015:46-53.
9. Данилова Н.И., Попова Н.И. Ландшафтная лексика в якутском языке. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2021;37(4):65-76.
10. Сорова И.Н., Неустроев К.К. *Соматизмы в географической лексике якутского и хакасского языков*. DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-67-74.
11. Стручкова Я.В. Анатомическая лексика в якутской оронимии. *Сибирский филологический журнал*. 2024;(1):177-191.
12. Стручкова Я.В. Якутские соматизмы, обозначающие элементы возвышенного рельефа. *Вестник СВФУ*. 2023;20(2):87-98.
13. Чиркочева Д.И., Григорьева С.В. Диалектные слова, обозначающие реку, в якутском языке. *Алтаистика*. 2022;7(4):21-30.
14. Малышева Н.В., Старостина Я.Е. Лексико-семантические особенности апеллятивов якутского и монгольского языков. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2018;23(2):59-63.
15. Малышева Н.В. Отражение представлений якутов о животном мире в процессе номинации растений. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2022;21(9):78-88.
16. Осорова М. А. Фитонимы с компонентом-зоонимом в якутском и хакасском языках. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. 2023;121(4):21-31. DOI 10.37972/chgru.2023.121.4.003. EDN EWFKNB.
17. Диалектологический словарь якутского языка. Новосибирск: Наука; 1995:294.
18. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 томах. Т. 13: (Буква Х). Новосибирск: Наука; 2016:638.
19. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Ленинград: Изд-во АН СССР; 1959.
20. Stachowski M. Is the Yakut fox green? Or remarks on some colour names in Turkic, Uralic, and Yeniseic. Krakow: Jagiellonian University; 2010:10.
21. Хангалов М.Н. *Собрание сочинений*: В 3 т. Т. 1. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография»; 2004:508.
22. Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. Зооморфный код в контексте этногенетических связей: Лиса в традиционных представлениях монгольских народов. *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»*. 2016;15:4863.
23. Диалектологический словарь якутского языка: содержит свыше 8500 слов. Москва: Наука; 1976:390.
24. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 томах. Т. 10: (Буква Т). Новосибирск: Наука; 2013:574.
25. Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. Москва: РОССПЭН; 1993:744.
26. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 томах. Т. 2: (Буква Б). Новосибирск: Наука; 2005:910.
27. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан

тылдьыта: в 15 томах. Т. 14: (Буква Ч–Ы). Новосибирск: Наука; 2017:591.

28. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 томах. Т. 8 : (Буква С). Новосибирск: Наука; 2011:572.

29. Седалищев В.Т., Однокурцев В.А. К экологии обыкновенной лисицы (*Vulpes vulpes* L. 1785) Якутии. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2013;15(3-7):2218-2223. EDN SCLQEX.

30. Левин Г.Г. *Избранные научные труды*. Новосибирск: Наука; 2021:139. ISBN 978-5-02-041462-4.

31. Бурыкин А.А. О некоторых названиях диких животных в тюркских языках (к этимологии изолированной лексики и оценке характера эволюции тюркских языков в контексте алтайской теории). *Российская тюркология*. 2013;1(8):31-36. EDN XUONBV.

32. Убрятова Е.И. *Исследования по синтаксису якутского языка*. Москва: Ленинград: 1950:681.

33. Курилова Л.Г. Образ полярного сияния в поэзии Улуро Адо. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015;54(12) (54):110-115.

34. Попов А.А. *Религиозные представления долган*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН; 2023:692.

References

1. Antonov NK. *Materials on the historical lexicon of the Yakut language*. Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House; 1971:174 (in Russian).

2. Ivanov SA. *Lexical features of dialects of the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka; 2017:392 (in Russian).

3. Danilova NI. Names of atmospheric phenomena in the Yakut language. *Preservation and development of languages and cultures of Indigenous peoples of Siberia*. Abakan: 2016;179-183 (in Russian).

4. Danilova NI. Names of wind varieties in Yakut language dictionaries. *Issues of Humanities*. 2015;80(5):49-52 (in Russian).

5. Danilova NI. Representation of cloud type names in Yakut language dictionaries. *International Research Journal*. 2015;42(11-4):15-17 (in Russian).

6. Danilova NI. Meteorological vocabulary in northern dialects of the Yakut language. *Echo of the Arctic Odyssey*. Yakutsk: 2019:201-207 (in Russian).

7. Sleptsov PA. On the Words kyuyokh, tangara, and Khallaan in the Yakut. *Ural-Altaic Studies*. 2009;1(1):92-95 (in Russian).

8. Dyachkovsky FN, Popov VG. Varieties of khaar ‘snow’ in the Yakut language. *Contemporary problems of humanities and natural sciences*. Moscow: 2015:46-53 (in Russian).

9. Danilova NI, Popova NI. Landscape vocabulary in the Yakut language. *North-Eastern Journal of humanities*. 2021;37(4):65-76 (in Russian).

10. Sorova IN, Neustroev KK. *Somatisms in the geographical vocabulary of Yakut and Khakass languages*. DOI: 10.25587/2782-662-2023-4-67-74 (in Russian).

11. Struchkova YaV. Anatomical vocabulary in the Yakut oronymy. *Siberian Journal of Philology*. 2024;(1):177-191 (in Russian).

12. Struchkova YaV. Yakut somatisms denoting elements of the elevated relief (in comparison with other Turkic languages). *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2023;20(2):87-98 (in Russian).

13. Chirkoeva DI, Grigorieva SV. Dialectisms denoting the names of rivers: a dictionary study. *Altaistics*. 2022;7(4):21-30 (in Russian).

14. Malysheva NV, Starostina YaE. Lexical-Semantic features of appellatives in Yakut and Mongolian languages. *Baltic Humanitarian Journal*. 2018;23(2):59-63 (in Russian).

15. Malysheva NV, Danilov IA. The Reflection of the Yakut Perception of the Animal World in the Process of Nominating Plants. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2022;21(9):78-88 (in Russian).

16. Osorova MA. Phytonyms with zoonymic component in Yakut and Khakass languages. *Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2023;121(4):21-31. DOI 10.37972/chgpu.2023.121.4.003. EDN EWFKHB. (in Russian).

17. *Dialectological Dictionary of the Yakut Language*. Novosibirsk: Nauka; 1995:294 (in Russian).

18. Big explanatory dictionary of the Yakut language. Novosibirsk: Nauka; 2016:638 (in Russian).
19. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut Language*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House; 1959 (in Russian).
20. Stachowski M. Is the Yakut fox green? Or remarks on some colour names in Turkic, Uralic, and Yeniseic. Krakow: Jagiellonian University; 2010:10 (in English).
21. Khangalov MN. Collected Works: In 3 Vols. Volume 1. Ulan-Ude: Republic Printing House; 2004:508 (in Russian).
22. Sodnompilova MM, Nanzatov BZ. Zoomorphic Code in Ethnogenetic Context: Fox in Traditional Beliefs of Mongolian Peoples. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology, Ethnology, Anthropology*. 2016;15:48-63 (in Russian).
23. Dialectological dictionary of the Yakut language: contains over 8500 words. Moscow: Nauka; 1976:390 (in Russian).
24. Sleptsov PA. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 10: (Letter T). Novosibirsk: Nauka; 2013:574 (in Russian).
25. Seroshevsky VL. Yakuts. Experience of the ethnographic research. Moscow: ROSSPEN; 1993:744 (in Russian).
26. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 2: (Letter B). Novosibirsk: Nauka; 2005:910 (in Russian).
27. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 14. Novosibirsk: Nauka; 2017:591 (in Russian).
28. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. 8: (Letter C). Novosibirsk: Nauka; 2011:572 (in Russian).
29. Sedalischev VT, Odnokurtsev VA. On the ecology of the red fox (*Vulpes vulpes* L. 1785) in Yakutia. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2013;15(3-7):2218-2223. EDN SCLQEX (in Russian).
30. Levin GG. *Selected scientific works*. Novosibirsk: Nauka; 2021:139 (in Russian).
31. Burykin AA. On some names of wild animals in Turkic languages (to the etymology of isolated vocabulary and evolution of Turkic languages in the context of the Altaistic theory). *Russian turcology*. 2013;1(8):31-36 EDN XUONBB (in Russian).
32. Ubryatova EI. *Studies on the syntax of the Yakut Language*. Moscow: Leningrad: 1950:681 (in Russian).
33. Kurilova LG. The image of aurora polaris in the poetry by Uluro Ado. *Philology. Theory & Practice*. 2015;12(54):110-115 (in Russian).
34. Popov AA. *Religious beliefs of Dolgans*. St. Petersburg: MAE RAS; 2023:692 (in Russian).

Сведения об авторе

ТОХТОБИНА Яна Егоровна – н. с. МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики», ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-0232-5752, SPIN: 4052-7790, e-mail: ya.tokhtobina@mail.ru

About the author

Yana E. TOKHTOBINA – Researcher of the Arctic Linguistic Ecology Lab, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-0232-5752, SPIN: 4052-7790, e-mail: ya.tokhtobina@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 03.03.2025

Принята к публикации / Accepted 07.04.2025